

увага, як да творчасці, так і да асобы Я. Купалы ўсё больш і больш павышаецца, незалежна ад таго, юбілейны год класіка ці звычайны. З'яўляюцца не толькі якасныя пераклады вершаў і паэм, але і аналіз гэтых перакладаў. Перакладзеныя вершы натхняюць многіх чытачоў да ўласных вершаў, да вершаў-прысвячэнняў, уплываюць на створаныя вобразы і настрой новых арыгінальных балгарскіх твораў.

Літаратура

1. Българска енциклопедия: в 2 т. / Съств.: Н. Г. Данчов, И. Г. Данчов. Фототипно издание на Ст. Атанасов. — Велико-Търново: Елпис, 1993. — Т. 1: А–К. — С. 711, 785.
2. Евтимова, Р. К. Белорусско-болгарские литературные связи (Опыт типологического сравнения) / Автореферат диссертации на соискание ст. канд. филолог. наук. — Минск, 1976. — 19 с.
3. Камбаните на съвестта. Български поети за Беларус. / Съст. Стефан Поптонеv. — София: Илинда-Евтимов, 2003. — С. 43; 83–85.
4. Купала, Я. Избрани стихотворения. / Я. Купала. — София: Народна култура, 1962. — 130 с.
5. Купала, Я., Колас, Я. Избрани творби. / Янка Купала, Якуб Колас. — София: Народна култура. — 1982. — 592 с.
6. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Янка Купала. — Минск: Маст. літаратура, 2003 г. — Т. 9, кн. 2: Дапаўненні да папярэдніх тамоў; Летапіс жыцця і творчасці; Дадатак. — 414 с.
7. Могъщият триптих: Избрани стихове от беларуски поети Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович / Съст.: Н. Вълчев. — София: Илинда-Евтимов, 2002. — 296 с.
8. Русакиев, С. Класик на белоруската литература / С. Русакиев // Език и литература, — 1982. — № 6. — С. 110–119.
9. Станкевич, Р. Т. Янка Купала и болгарская литература: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03, 10.01.04 / Р. Т. Станкевич. — Минск, 1983. — 229 с.
10. Станкевич, Р. Т. Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович в Болгарии. Генезис и специфика рецепции / Р. Т. Станкевич. — Минск: Веды, 2005. — 296 с.
11. Станкевич, Р. Т. «Светата тройца на беларуската литература» и българската ѝ рецепция / Р. Т. Станкевич. — Електронно издателство LiterNet, 2010.

Любовь Турбина (Москва)

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ О ПОЭТИКЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Давно замечено кем-то, что в новые времена древние сказания о героях заменили рассказы о жизни национальных поэтах. У каждого народа есть особенно любимые поэты, погибшие юными. Уже по тому, что они успели написать, можно судить о масштабах дарования, близкого к понятию подлинной гениальности. Максим Богданович занимает именно такое место в пантеоне белорусских поэтов.

Моложе двух титанов — Якуба Колоса и Янки Купалы — ровно на десять лет, он скончался от скоротечной чахотки в мае 1917 г., не дожив нескольких месяцев до Октябрьской революции, и потому всё им написанное, уместившееся в одном томе, не делится, как у Я. Купалы, на «до» и «после» революционные периоды.

Универсальность и широта интересов белорусского национального гения удивительны! Поэтическое наследие придется оставить за скобками этой работы, также как и поэтические переводы. Но трудно удержаться и не упомянуть, как разнообразен список переведенных на белорусский язык поэтов: Г. Гейне и Ф. Шиллер, Гораций и Овидий, А. С. Пушкин и А. Майков, сербские, украинские, скандинавские, испанские и персидские народные песни. Кроме того, есть и стихотворные переводы на русский язык отдельных стихотворений Янки Купалы и Т. Шевченко, а также одно стихотворение И. Франко и Э. Крымского.

В сфере нашего внимания — литературно-критические статьи Максима Богдановича «Краса и сила» и «Памяти Т. Г. Шевченко», в который анализируется творческое наследие великого украинского поэта. Написанные практически одновременно, они были напечатаны в 1914 г.; «Краса и сила» в втором номере журнала «Украинская жизнь». «Памяти Т. Г. Шевченко» — в газете «Голос» (от 25-го февраля 1914 г.), практически в день столетнего юбилея Кобзаря. Вторая статья носит подчеркнуто юбилейный характер. Собственно тексту предшествует эпиграф из Катуллы: «Белым камнем я отмечу этот день», чем подчёркивается общемировое значение поэзии Т. Шевченко. По словам А. Григорьева, которые М. Богданович приводит в самом начале статьи, Т. Шевченко «последний великий кобзарь и первый великий поэт новой великой литературы славянского мира» [1].

Автор статьи прозорливо отмечает, что вся украинская интеллигенция празднует этот день: зарубежная — торжественно и всенародно, русская — в глубине сердец, полных горечью. Далее он замечает, что «краса и сила» поэзии Т. Шевченко выводит значение этого события из сравнительно узких, чисто местных берегов. Выделенные кавычками слова вошли в заглавие статьи М. Богдановича, где подробно исследуется поэтика стихотворений Т. Шевченко. Белорусский поэт ставит творчество украинского поэта в общемировой контекст.

Наиболее удачной характеристикой наследия рассматриваемого автора М. Богданович считает слова Н. И. Костомарова: «Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество... М. Шевченко говорит так, как народ ещё и не говорил, но как он был готов уже заговорить и только ожидал, чтобы из среды его нашелся творец, который бы овладел его языком и его тоном; и вслед за таким творцом точно так же заговорит и весь народ и скажет единогласно: это моё» [2].

К этим словам академиком Ф. Е. Коршем была сделана поправка, значение которой М. Богданович отмечает особо. В ней подчёркивается то обстоятельство, что «талант Шевченко не был прикован исключительно к народным темам, а явился чутким резонатором всех струн украинской национальной души... То есть является для украинской поэзии не тем, кем был Кольцов в русской поэзии, а охват его поэзии много шире и ставит его на место, которое в России занимает Пушкин, а в Польше — Мицкевич» [3].

По мнению М. Богдановича, на общечеловеческое значение творчества Т. Шевченко указывает и множество переводов его стихов на языки целого ряда европейских литератур — немецкой, французской, чешской, польской, шведской и т. д., ибо «человеку иной национальности Шевченко не будет чужд и непонятен, и в его душе стихи украинского поэта найдут свой отклик» [4, с. 313]. Богданович отмечает, что стихи Т. Шевченко — особый поэтический мир, внутренне целостный и внешне четко оформленный, в котором естественно можно различить ряд напластований, взаимно проникающих друг в друга. Первые стихи Т. Шевченко написаны в духе раннего романтизма: трогательные легенды и героическое прошлое питают его; идею национального блеска и величия украинского народа сменяет идея о необходимости его социально-политического раскрепощения.

Но мысль Т. Шевченко, замечает М. Богданович, никогда не была прикована исключительно к социально-политическим проблемам. Он умел найти в жизни украинского села и красоту и любовь. Т. Шевченко оставляет место радости и грусти, жалости и состраданию. М. Богданович отмечает удивительную душевную нежность и внимательность к человеку в стихах Т. Шевченко. Добавим, что заметить эти прекрасные качества может лишь тот, кто сам ими обладает. В заключении статьи М. Богданович подчёркивает, что писателю суждена была «величественная роль сделаться символом культурной ценности целого народа, воплощением всего его духовного существа, соединить в себе черты и народные, и интеллигентские» [4, с. 314].

Статья М. Богдановича «Краса и сила» имеет подзаголовок «Опыт исследования стиха Т. Г. Шевченко». Статья начинается цитатой из работы Костомарова; это вполне объяснимо: работы писались практически одновременно, только вторая представляет собой журнальный вариант, а «Памяти Шевченко» — газетный, т. е. представляет собой сокращенный, адаптированный для более широкой публики.

Самое значимое в статье «Краса и сила» — это глубокий стиховедческий анализ. Автор статьи демонстрирует исключительную эрудицию в теории стиха, кроме того чувствуется, что он высказывает свои заветные, самые важные для него мысли. М. Богданович уверен, что формирующим началом всякого стиха следует признать ритм, который «отвердев в своем наиболее правильном, законченном виде обращается в метр».

По мнению белорусского поэта, все остальные элементы стиха играют по отношению к тому и другому второстепенную роль. Далее М. Богданович продолжает: «в полном соответствии с народной поэзией стихи “Кобзаря” чрезвычайно ритмичны, но не метричны», и устанавливает наличие у Шевченко совершенно определённых симпатий, проходящих через всю его литературную деятельность, а именно «пушкинского четырёхстопного ямба и столь обычного для украинской народной поэзии семистопного хорея с цезурой после четвёртой стопы». Подробно рассматривая отступления от указанных метров на примере анализа конкретных текстов, М. Богданович утверждает: «Нет таких

художественных средств, которые были бы всегда применимы и всегда хороши». Заканчивая раздел статьи, посвященный вопросам ритма и метра, М. Богданович подчёркивает одно из важных достоинств украинского поэта, состоящее в наличии приема, направленном в сторону достижения наибольшего соответствия между движением чувств и движением стиха.

Не менее интересно и подробно написан следующий раздел статьи, посвященный рифме; в самом начале которого он цитирует лишь недавно переведённую на русский язык работу Ж.-М. Гюйо, который считает, что основное назначение рифмы — подчёркивать форму метра, «обводя твердым контуром его страницы» [5]. М. Богданович констатирует, что наиболее характерны для стихов украинского поэта женские рифмы. Реже встречаются мужские, ещё реже — «изысканно-дактилические», вообще «в полной гармонии с общим духом своей музыки Шевченко чрезвычайно часто пользуется вместо рифм ассонансами, вся прелесть которых именно в стихах народного склада обрисовывается особенно хорошо». Далее М. Богданович замечает, что в широкой публике бытует мнение, что ассонансы — это просто неудачные рифмы, между тем как здесь «Шевченко ярко проявил и глубокую народность своей поэтической природы и исключительную художественную чуткость» [4, с. 305–306].

Процитированного достаточно, чтобы показать мастерство М. Богдановича — исследователя стиха, по тонкости анализа и глубине прозрений просто не имеющего себе равных. В одном месте поэт вводит в литературоведческий оборот понятие «микроструктура стиха».

В заключении статьи белорусский автор даёт восторженную по смыслу и блестящую по форме общую характеристику украинского поэта: «В лице Шевченко мировая литература имеет поэта со стихом мелодичным и изящным, — поэта, который красоту своих произведений строил не на бьющих в глаза средствах поэтического воздействия, а, наоборот, на средствах наиболее тонких — ассонансах, аллитерациях, внутренних рифмах; поэта, который к этой красоте указанных элементов стиха присоединил необычную силу своих ритмов, а также оригинальность, живость и грациозность разнообразных метров» [4, с. 307].

Статьи М. Богдановича написаны на русском языке и обращены по преимуществу к русскому читателю: «Многообразными нитями связаны наши души — души русских читателей — с душою покойного поэта» [4, с. 311]. Но приведенный в статьях стиховедческий анализ показывает, что именно знание белорусского языка позволяет автору читать в оригинале, понимать и воспринимать стих Шевченко на украинском языке в полном объёме и глубине. Роль, которую отводит М. Богданович именно «красоте» стиха (в недостатке внимания к которой он упрекает на раннем этапе выдающихся белорусских поэтов Янку Купалу и Якуба Колоса), подтверждает приверженность белорусского поэта именно к художественным особенностям поэтического текста. Подготовленности к такому глубокому литературоведческому анализу

содействовала библиотека отца, исследователя фольклора Адама Богдановича, книги из его собрания будущий поэт штудировал с детства.

В своих стихах М. Богданович демонстрирует несравненно высокое поэтическое мастерство. А его статьи, посвященные исследованию поэтического наследия украинского поэта, точно укладываются в название конференции «Славянские литературы в контексте мировой»: белорусский поэт на русском языке вводит украинского поэта в мировой контекст! А закончить это сообщение хотелось бы переводом на русский язык М. Богдановичем стихотворения Т. Шевченко:

*И серое небо, и сонные воды...
Вдали над берегом поник
Без ветра гнуцийся тростник,
Как пьяный...боже, гибнут годы!*

*Что ж, долго ли придется мне
В моей незамкнутой тюрьме,
Над этим бесполезным морем,
Томиться тяжелой жизни горем?
Молчит иссохшая трава
И гнется, словно и жива;
Не хочет правды говорить,
А больше некого спросить.*

Литература

1. Григорьев, А. // Время. — 1861. — Т. 2, отд. 1.
2. Костомаров, Н. // «Основа» — 1861. — Март.
3. Корш, А. // «Основа» — 1861. — Март.
4. Богданович, М. Избранное / М. Богданович. — Минск: Книгосбор, 1996.
5. Гюйо, Ж. М. Искусство с точки зрения социологии: пер с фр / Ж. М. Гюйо. — СПб., 1861 г.

Зоя Мельнікава (Брэст)

УКРАЇНСКАЕ «ШАСЦІДЗЯСЯТНІЦТВА» І ТВОРЧАЕ САМАВЫЗНАЧЭННЕ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

Тытанам і рыцарам беларускасці, з яе асаблівай гісторыяй, філасофіяй і эстэтыкай, быў Уладзімір Караткевіч, які ў літаратуры Беларусі другой паловы ХХ ст. адрадіў арыстакратызм нацыі, сам быў носбітам шляхетнай беларускасці, і гэта засталася ў яго творах для ўзгадавання душы і розуму маладых пакаленняў беларусаў.

Грамадзянскае пасталенне і прыход У. Караткевіча ў літаратуру супалі з ідэалагічна і палітычна складаным часам позняга сталінізму і эпохай шасцідзясятніцтва. «Пацяпленне», хрушчоўская «адліга» — хоць непрацяглы, але значны перыяд, які аказаў рашаючы ўплыў на разняволенне ўсіх сфер грамадскага жыцця, у тым ліку і літаратуры. Ідэалагічная цензура на пэўны час паслабла, гэта вызваляла літаратурна-мастацкую, пісьменніцкую свядомасць, што няўхільна вяло да пазітыўных змен у агульнакультурным, нацыянальна-